

ПОЭ**Z**ИЯ РУССКОГО ЛЕТА

Максим Адольфович Замшев
Дмитрий Молдавский
Александр Сергеевич Пелевин
Владислав А. Русанов
Дмитрий Мельников
Алексей Шмелёв
Дмитрий Артис
Мария Олеговна Ватутина
Александр Александрович Сигида
Марк Лешкевич
Александр Иванович Сигида
Игорь Александрович Караулов
Ольга Старушко
Анна Долгарева
Иван Купреянов
Анна Ревякина
Владислав Валерьевич Маленко
Егор Воронов
Дмитрий Владимирович Мурзин
Борис Бергин
Семен Пегов

**Наталья Макеева
Валентин Горшенин
Олеся Александровна Николаева
Елена Заславская
Поэзия русского лета**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69192022

Поэзия русского лета: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-186806-2

Аннотация

События Русской весны всколыхнули многие равнодушные сердца, заставили людей вновь обратиться к своим историческим и культурным корням, стали точкой отсчета нового времени.

В эту книгу вошли стихотворения и поэмы людей, которые с 2014 года создают новую русскую фронтовую поэзию. Их голоса пронизаны болью и горечью потерь и в то же время упорной надеждой, мужеством и непоколебимой верой в торжество правды и победы добра над злом.

«Поэзия русского лета» не просто сборник – это памятник нашим беспокойным временам, пробуждению русского духа и смелости тех, кто снова встал на защиту своей родной земли.

Издательская группа «Эксмо-АСТ» и телеканал RT, при поддержке Российского книжного союза, запустили поэтический марафон, посвящённый новой русской фронтовой поэзии!

Клипы поэтов и общественных деятелей с чтением стихов из сборника **«Поэзия русского лета»** размещены в аккаунтах социальной кампании «У страниц нет границ» в ВКонтakte, ОК и Telegram.

Каждый, кто хочет выразить свои чувства, может прочитать стихи из сборника и опубликовать в своем аккаунте, отметив хештеги

#поэзиярусскоголета и #устраницнетграниц.

Приглашаем к участию в поэтическом марафоне!

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Дмитрий Артис	11
«В одночасье страна разделилась на две...»	11
«Распаханы земли украинским градом...»	13
«Открыв сто тысяч пятьсот каналов...»	15
«Готовимся к долгой войне...»	17
«Отречённые братья выходят на свет...»	18
«Святым оставим футбол и пиво...»	19
«Со всех сторон предатели...»	20
Детское	22
«В миру ли на ветру, в молитвах и борьбе...»	24
«Солнце темнеет, когда...»	25
«Блажен погибающий в первом бою...»	26
«Если вечером выйдешь на запад...»	27
«Немытые руки раскинув...»	28
«Пока ревёт столетним кедром...»	29
Борис Бергин	34
Посевная	34
Жёнов	35
Московское	36
На краю	39
Одно и то же	40
Не болит	42
Всё нормально	44

Донецкое	46
Как называть	48
Летать	50
Говорить языками	52
Мария Ватутина	55
«На костылях. В бинтах ступня...»	55
Агитбригада	57
Лётный полк. Зарисовка	58
«Худая, дряхлая на вид...»	60
«Они стреляли по донецким...»	62
«Шёл солдат мимо шахт и пожарища...»	64
«Если мы освобождаем Донбасс...»	66
«Бабушка, вставай. Бабушка, одевайся...»	67
Саша	69
«А у нас в России газ...»	71
«Ну, подсаживайтесь, что ли, ко мне...»	73
«В человечесьи норы горы Печоры...»	75
Егор Воронов	78
De la paix	78
Чернословие	80
«Para bellum...»	81
Я верю!	83
Благослови!	86
Mio, min mio	88
Валентин Горшенин	91
Воинам-дончанам	91

Севастополь	93
«Пусть будет тишина. Пусть до конца времён...»	94
Анна Долгарева	95
«За холмом и рекой бахает, бацает...»	95
«Первому двадцать, второму сорок, отец и сын...»	97
«Здесь перемелено, здесь перемолото, «Градов» гром...»	98
«Ребёнок прячется, но смотрит из-за штор...»	99
«Уходят...»	100
«слушай, говорит, слушай...»	101
Памяти Кости Кота	102
«Обком звонит в колокол, предали нас анафеме...»	103
«Сказали: не говори – баба...»	105
«Серёга из Москвы вообще приехал...»	106
«Не смейся, тётя, сделай фотоснимок...»	107
«Я умереть боюсь...»	109
«Из меня не получится хорошего русского...»	110
«В город пришла война...»	111
«Ты десять тысяч убила и десять спасла...»	112
«А всё-таки начнётся посевная...»	114
«Схерали, говорит, они герои...»	115
«И пока небосвод от снарядов стонет...»	117
«Через реку Смородину нет моста...»	119

«Расскажи мне, Расскажи...»	120
«Снилось мне, что я ищу тебя в темноте...»	122
Максим Замшев	123
«Вьётся змейкой между стран граница...»	123
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Поэзия русского лета

© АНО «ТВ-Новости», составление, 2022

© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Дорогие друзья!

Этот сборник – наш шаг в стремлении объединить тех, кто всегда знал, что за русской весной обязательно придёт русское лето.

Переломные моменты истории всегда находят своё отражение в культуре. И в поэзии – в первую очередь. Мы считаем, что голос этих людей должен быть слышен.

С уважением и благодарностью, команда RT

Дмитрий Артис

«В одночасье страна разделилась на две...»

В одночасье страна разделилась на две,
у обеих расквашена морда...
Светлоликие эльфы с дырой в голове
саранчой налетели на Мордор.

Небеса, будто веки, поднял доброхот.
По классическим правилам шахмат
светлоликие первыми сделали ход,
пока орки корячились в шахтах.

Присосались к земле озорным хоботком,
не стесняясь отсвечивать задом,
и пищат: «Выходите на драчку бегом
из рабочего ада.

Выходите, иначе дома подожжём...
Только миру окажем услугу.
Как детей ваших вырежем, мамок и жён
с удовольствием пустим по кругу».

Где-то ёж копошился в зелёной траве,
одуванчик обнюхивал заяц,
расписная свистулька с дырой в голове
у плохого мальчика оказалась.

«Выходите, оценим бесстрашный порыв —
на осинах развесим повыше...»

И к полуночи, смену на шахте закрыв,
орки взяли да вышли.

«Распаханы земли украинским градом...»

Распаханы земли украинским градом,
но мы, не теряя осанки,
шлифуем равнину победным парадом
на русском обугленном танке.

Враги убегают, вздыхают на ладан,
бросают в окопах берданки,
но мы, наступая на пятки снарядам,
любого догоним на танке.

Бегут без оглядки, кто лесом, кто садом,
теряют портки и портянки,
но мы уже близко, но мы уже рядом
на русском обугленном танке.

Бегите по краю хоть в дальние грани,
поймаем и скрутим в баранку.
За каждую рытвину русских окраин
ответите нашему танку.

Воронку к воронке оставили б***и,
равнина с лица, как с изнанки,
но мы эту землю по-братски пригладим

на русском обугленном танке.

«Открыв сто тысяч пятьсот каналов...»

Открыв
сто тысяч
пятьсот каналов,
листаю сводки
до темноты...

Где «перемога»
не проканала,
там на бульварах
уже цветы.

Листаю:
ахтунг
и «знову зрада» —
накал истерик
штурмует высь,

а здесь пейзажи,
изгибы сада,
земля и небо —
в одно слились.

Записан ролик

не военкором,
а так,
проходим,
и брошен в сеть.

Теперь висит он
смешным укором
тому, кто прочил
России смерть.

По дну окопа
легла протока,
и слышен ясно
девичий смех.

Кому-то «зрада»
и «перемога»,
а нам победа —
одна на всех.

«Готовимся к долгой войне...»

Готовимся к долгой войне
и впрок запасаемся гречкой.
Завёлся сверчок по весне
за микроволновой печкой.

Стрекочет, как будто один,
весь мир у него в саквояже,
а мы собрались в магазин,
пока ещё гречка в продаже.

Попробуй не ведать вины,
стыда не почувствовать, если
за микроволновкой слышны
сверчка беспечальные песни.

Торопится тот, кто ведом,
притянут к ноге за верёвку,
и мы покидаем свой дом —
купить про запас упаковку.

Ничто так не будет смущать,
как песня, горящая свечкой,
о том, что жива благодать
за микроволновой печкой.

«Отречённые братья выходят на свет...»

Отречённые братья выходят на свет,
по бесчестию каждый разут и раздет,
и, прикрыв наготу ароматом,
улыбаются встречным солдатам.

Ковыляют неспешно один за другим,
озираясь по-детски как будто благим
и таким непосредственным взглядом,
что никто не ударит прикладом.

Безобидные люди, хоть пальцем крути,
но торчат вместо рук роковые культи,
где набиты, как ценник на пластик,
череп в обрамлении свастик.

«Святым оставим футбол и пиво...»

Святым оставим футбол и пиво,
а сами в пекло пойдём красиво.
У барной стойки не ждут мессию.
Плохие парни спасут Россию.

Не надо больше домашней каши.
Пусть на шевронах подруги наши
так улыбнутся, что обессилен
умолкнет сладкоголосый Сирин.

Пока святые – не то что парни,
а так – печеньки от мишки Барни,
расскажут байки про аннексию,
плохие парни спасут Россию.

Обвисло небо, земля в растяжках,
нас очень много, и мы в тельняшках.
Святые дома сидят в пижамах,
носы в повидле да яд на жалах.

Такие люди не знают жизни,
им непосильна любовь к Отчизне.
И пусть святые подобны змию,
плохие парни спасут Россию.

«Со всех сторон предатели...»

Со всех сторон предатели,
кругом одни враги...
Сто лет стоят у матери
в прихожей сапоги.

Отцовские, как новые,
с калошами рядом,
подошвы коронованы
железным каблуком.

На старте, что на финише, —
один потенциал.
Я раньше даже выпивший
сапог не надевал.

Отечества и отчества
ни разу не сменил.
Отец мой вроде плотничал
и пчёлку разводил.

У горизонта пасмурно.
Мне издали видать
разграбленную пасеку
и вражескую рать.

Играть судьбе изломанной
в бездомного щенка.
Горит, как зацелована
предателем, щека.

И жизнь ещё не прожита,
не набраны долги,
но я иду в прихожую
примерить сапоги.

Детское

Селу
сегодня
повезло,
бойцы
зачистили
село.

Другому
так же
повезёт,
в него
зайдут
бойцы
ВОТ-ВОТ.

Потом
военная
метла
зачистку
третьего
села
начнёт,
и будет
чисто
на свете

без
фашиста.

«В миру ли на ветру, в молитвах и борьбе...»

В миру ли на ветру, в молитвах и борьбе
я точно не умру от жалости к себе.

Как три копейки прост, продлив отца и мать,
я буду в полный рост безвременье встречать.

На вороном коне без отдыха и сна.
Удача будет мне, как женщина, верна.

Под орудийный бит, открыв клыкастый рот,
архангел протрубит победных восемь нот.

С поддержкой огневой в пыли святых дорог
вы будете со мной, и с нами – русский Бог.

«Солнце темнеет, когда...»

Солнце темнеет, когда
в самой красивой воронке
дети хоронят кота,
бантик стянув на картонке.

Слышали шум за версту,
будто взрывались пакеты.
Ночью могилу коту
вырыл кусок от ракеты.

Мальчики слёзы не льют,
век у товарища краток.
Тучу расчертит салют
из деревянных рогаток.

Девочки сжались в комок,
топчут сандалики глину:
«Как же ты, как же ты мог
верных подружек покинуть!»

А высоко над землёй,
сдвинув сердитые брови,
кто-то большой-пребольшой
новый лоток приготовил.

«Блажен погибающий в первом бою...»

Блажен погибающий в первом бою,
с собой даже мухи не взявший.
Я родину самозабвенно люблю,
как полную грудь комиссарши.

На плечи закинув ручной пулемёт,
оправлю на кителе складки.
Куда комиссарша меня позовёт,
туда и пойду без оглядки.

Посажено солнце на маковку дня,
гудит, как встревоженный улей.
В открытом бою не уйти от меня
прицельно метнувшейся пуле.

Солдат из меня по всему никакой —
высокие берцы на замше,
зато, погибая, прикрою собой,
как родину, грудь комиссарши.

«Если вечером выйдешь на запад...»

Если вечером выйдешь на запад,
то под утро придёшь на восток.
Будто юбка у барышни, задран
этой пёстрой землицы кусок.

Кто ходил, тот уже не расскажет.
Только ветер до нас донесёт
вместе с запахом крови и сажи
аромат азиатских широт.

«Немытые руки раскинув...»

Немытые руки раскинув,
как чёрт от любви вереща,
вернётся на родину Киев
откушать с устатку борща.

Хромая на правую ногу,
протиснется ближе к столу
и скажет: «Насыпьте немного
борща дорогому хохлу».

И будет плести небылицы
в кругу сердобольных мещан
о том, как худел за границей,
скучая по русским борщам.

О том, как чужбина достала,
как недруги выгрызли бок...
Наевшись борща до отвала,
уснёт головой на восток.

А завтра, от наглости взмокши,
в обед изогнётся плющом,
подсядет к русне или к мокше
и плюнет в тарелку с борщом.

«Пока ревёт столетним кедром...»

Пока ревёт
столетним кедром
войны
разинутая пасть,
хочу семейную
легенду
вам рассказать
не торопясь.

Мы забываем
в суматохе
о том, что
рождены людьми,
и в обезумевшей
эпохе
найдётся место
для любви.

Земля
плотнее каравая
казалась каждому
бойцу,
когда Вторая
мировая
шла к очевидному

концу.

В Европу
съездивший
без визы,
в день завершения
войны
мой дед улыбку
Моны Лизы
набил себе
на полспины.

Не ведаю,
в какой газете
каких
поверженных
племён
он репродукцию
заметил
и был изрядно
впечатлён.

Домой
вернувшись
к сенокосу,
работал в поле
без прикрас,
рубаха вымокла
до сноса,

и дед рубаху
снял на раз.

Сельчане
выпучили зенки,
увидев деда
со спины —
они узнали
в иноземке
девчонку
с нашей
стороны.

Не надо
патоки
сердечной
под выцветающей
луной.
Женись на той,
что будет вечно,
как чувство Бога,
за спиной.

Судьба скучает
без каприза.
Мальчишник был
в кругу друзей,
где перебили
«Мона Лиза»

на вензель
бабушки
моей.

С тех пор
что только
ни бывало,
но в службе ратной
и в труде
у деда
на спине сияла
одна улыбка —
Анны Д.

Борис Бергин

Посевная

Постоянно думаешь: только бы не началось.
И под сердцем колется ноющий ржавый гвоздь.
Фронтовые сводки с полей, а хочется посевной.
Постоянно думаешь: ну это же не со мной.
Это где-то в книжках, кино, далёком чужом краю.
Что бросаешь в землю весной, то осенью соберут.
И хотелось сытное в землю бросать зерно,
Зарастай зелёной травой, злобой прорытый ров.
Говорит мне сын: «Вот с этими прадед мой воевал».
Почему у весны опять звериный такой оскал?
Почему слетается вновь чёрное вороньё?
Только эта земля моя, а я не отдам моё.

2014

Жёрнов

И когда захочешь границей отгородиться,
Повторяя: «Не сторож я, Господи, нет, не сторож», —
То беда вернётся в твой дом, как всегда, сторицей,
И болит, так болит, за какую струну ни тронешь.
И пока ты прячешься, где-то приносится жертва —
За отсрочку недолгую, за мимолётность покоя,
Беспощадный уже запущен неждущий жёрнов:
Перемелет в муку – то нехитрое дело такое.
Раскроили рвами землю Войска Донского,
Но в степи не скроешься – степь навсегда едина.
И здесь общая память и общие путь и Слово,
Зная деда поднимется в небо руками сына.
Только б не было поздно, на чашу весов небесных
Не легло бы предательство каиновой печатью,
И не стало б в земле от могил свежевырытых тесно.
Не зависла б рука: в книге жизни тебя отмечать ли?
Тонкой нити родство над какой нас бездной держало,
Проходила орда – выживал, кто не встал на колени.
И сегодня решается – будет ли вырвано жало
Или завтра ковыль зазвенит над великим забвеньем.

Московское

*У кого под перчаткой не хватит тепла, чтоб
объехать всю курву-Москву.*

*На Красной площади всего круглей земля.
О. Э. Мандельштам*

Трамвайной вишенкой и костью в колесе
Ты приобщаешься, и ты живёшь как все,
И на крови твоей всемирная история.

Пальмиры арка на учебнике твоём,
Снаряд тяжёлый, разрушающий твой дом.
И как мы жили до войны, о чём мы спорили?

И в этом городе, не верящем слезам,
Чьё время кончилось, кому сказать «слезай»?
И будет очень тяжкой поступь командорова...

Как много в звуке... но надежды больше нет,
Её снарядом разорвало на войне,
А так, конечно, начиналось даже здорово.

На Красной площади круглей всё и круглей,
Руин всё больше в остывающей золе,
И центр мира где-то к Горловке смещается.

Смерть на миру, онлайн, краснеет монитор,
Уже шагнул (зачем позвали?) командор...
Давай на выход соберись уже с вещами сам.

Объедешь курву? Если есть ещё тепло.
Пока ты дышишь, значит, снова повезло.
Бывало тоже страшно, но подлей бывало ли?

Уж полночь близится... и донна Анна ждёт,
Пусть только это ожидание спасёт,
Ещё спасёт, пока возможно, хоть бы малое.

Да что ж такое, слышишь, страшная пора
Никак отсюда не уходит со двора,
И каждому свой век, свой волкодав, достанется.

Кому кровавый, ну а прочим – покемон,
И можно долго ждать, что всё пройдёт само,
Но этот век (кому какой) ещё до ста нести...

Тебя опять спасёт неспящий у окна,
Степь от воронок круглых сверху как луна,
А если ближе, то вся чёрная от копоты.

Москва, Москва, несчастный воробей,
Она не верит, ну а ты её жалея...
И сходит небо, постигаемое опытом.

2016

На краю

Доживём до Пасхи, а там и Троица —
Отец Александр не благословил умирать.
Закрылась дверь, говорят, что другая откроется.
Когда стоишь один на краю, думай: «За нами рать».

Там и Троица – будут склоны круч все лиловые,
Чабреца у нас – аж до самого Неба дух.
На ветру стоять – это быть и битым, и ломаным,
Но за битого здесь небитых дают сразу двух.

Доживём, конечно, – куда мы денемся.
Кому, кроме нас, нужна эта степь да степь.
Простояли ночь – это значит, что день еси.
А вокруг всё могилы – Саур ли, Острая,
И здесь плавится сталь, а живое убить непросто вот:
В каждом раненом дереве тень Спасителя на кресте.

И кому бороться эту землю рыжую —
В ней ведь столько крови, ни в какой другой больше нет,
Защищать и пахать – потому мы, конечно, выживем.
Степь да степь, если смерть кругом, жизнь особенно
здесь в цене.

Одно и то же

я пишу об одном и том же – кругозор мой узок,
я не знаю ни древних, ни новых каких-то греков.
что я там читал-то? дон кихота и робинзона крузо.
я всё знаю только про мельницы и что дважды не входят
в реку.

что армия стреляет второй раз уже не в свой народ,
что у убийцы не просят амнистий просто.
что я знаю-то? как снаряд падает в огород
и воронка бывает в два человеческих роста.

да о чём я пишу? я кондовый, как советская песня,
там, где пули свистят по степи и журавли тебе держат
место.
это не ко мне, серьёзно, если вам надо поинтересней —
я читаю сводки модной писанины вместо.

что я знаю? как вмиг лишаешься дома и прежней жизни
и считаешь, что повезло, другим было намного хуже.
нет ничего интересного в моём соцреализме,
в мире креатива и мейнстрима на кой он нужен.

я пишу об одном и том же, не для изысканных книгочеев,
только позывные для тех, кому тоже невыносимо.
у кого всё спокойно, но хочется погорячее —

не читайте, идите мимо.

2019

Не болит

Дуне Шереметьевой

Говорят, что не может пять лет болеть,
Говорят, Господь с вами, какая боль.
И ещё, что есть на крайняк балет...
Если под ногами качнётся пол.

Милосердна память, и время док
Забинтует, спирту в стакан плеснёт,
Не болит, иначе бы ты не смог
Удержать сурового неба гнёт.

Говорят, что так выгорает всё,
А иначе просто сойдёшь с ума.
Не считай, как вертится колесо —
Лето, осень, осень, опять зима.

И идёт здесь жизнь год считай за пять,
Вот и ты идёшь и опять идёшь.
Повторенье, мать, снова повторять,
Снег идёт и дождь, снег идёт и дождь.

Ну а если «Град», то здесь знают все,
Как летит, как падает, как звучит,
Сколько смерти в чёрном его свинце,

И кто будет меч, и кто будет щит.

Говорят, совсем уже не болит,
Встань и делай молча, что можешь ты.
Просто держит мир этот край земли,
И не знают здесь, что такое тыл.

Говорят, не можешь, а всё живёшь,
Говорят, не веришь – вложи персты.
А узнаешь правду – поймёшь, где ложь.
Вот и Бог с тобой или с Богом ты.

2019

Всё нормально

у меня всё нормально. душевная боль не в счёт.
я одет по погоде, не голоден, жив... ещё.
надо мною не каплет, не падает, не печёт.
даже ангел ещё за плечом.

пролетают пока заплечных дел мастера,
ну и что тут такого, что вместо души дыра.
о душе не пишите, о крыльях – и всё пройдёт.
а не скажешь на чёрное белое – идиот.

в идиотском полку отставной барабанщик был,
может быть, счетовод и считал – всё гробы, гробы.
на Матфеевом списке писал – здесь был дом, и здесь,
кем бы ни был, да только вот вышел весь.

на куски разлетаясь в каждый обстрел, прилёт,
всё же, сука, дышу ещё, чёрт меня не берёт.
я все даты запомнил по накалу обценных слов.
ну и как там на небе, скажи, неплохой улов?

на гибридной войне сам становишься вроде рыб —
не доносится звук из забытой такой дыры.
чем туманней вблизи, тем более даль ясна.
зарастают окопы травой – и у них весна.

у меня всё нормально. и нечего мне менять.
и бояться не нужно меня или за меня.
я дышу, говорю и, в общем, совсем неплох.
у меня всё нормально... да лучше б сдох.

2019

Донецкое

Говорят, что у Данта над кругами адскими
Был ещё рай, но кто до него дочитывал?
Какие времена, такие и рифмы солдатские,
Защити себя сам какой умеешь защитой.

Нам выдавали полдень, и небо его было ласковым,
Но нам казалось тесно, мало, не слишком розово.
А когда всё стирают таким сумасшедшим ластиком,
Вдоль какого неба теперь мы пойдём с вопросами?

Если верить Данту, небес так же девять наверхено,
Святость тоже делится – на чистых и кто попроще.
Пусть меня не ждёт ни в одном никакая женщина,
Пусть все живут... пусть живут и никогда не ропщут.

Что нам рай, куда не пускают даже Вергилия,
И, куда ни ткнёшься, места под солнцем все заняты.
То, что нас не минует, как знать, может быть, помилует.
В город мины летят, а розы – по расписанию.

И они всё такие же – алые, белые, чайные,
Только небо другое, наверно, круги перепутали.
Если смерть ходит рядом – живёшь раза в два отчаянней,
Розы тянутся к небу, любому, колючими прутьями

Из надёжной земли, где спасительны ямы и рытвины.
Здесь последняя вера, что мелют Господни мельницы.
Тот, кто любит, – любим. Небеса нынче настезь
открытые.
Медь звенит, и кимвалы звучат... души метятся.

2019

Как называть

был бы моложе — назвал бы тебя джультетой,
был бы испанцем — точно тогда дульсинеей,
а здесь у нас такое адское лето,
и васильки смертельно синеют.

жил бы я в сочи, не помню уже, что знал бы,
где она, правда, и кто ещё носит прада,
а здесь опять через сердце проходят залпы —
сто двадцать второго калибра мины и «Грады».

звать бы тебя голубкой, да снова сносит...
драму не эту, заглядывать бы к макбету,
но сводки читаю, повёрнуты сумрака оси,
врут договоры, к чёрту летят обеты.

кем бы я был, если бы звал тебя дарлинг,
на берегу темзы какой мёрз бы...
всё нам дают взаймы, ничего не дарят,
здесь и река, если донец, то мёртвый.

звать эсмеральдой? — тесен для нас париж-то.
у нас бесконечен цыганский размах дороги,
небо бездонно, в котором легко паришь ты —
можно тебя крыльями только трогать.

всё, что не смерть и война, здесь кажется книжным;
помню, когда-то наоборот было.
как мне тебя называть, чтобы просто выжить
в лето шестое без берегов и тыла?

2019

Летать

Ты учишь меня летать – научи меня падать,
Соломку мне не стели – пусть упал-отжался.
Когда за спиной враги, за углом засада,
Учи меня забывать, что такое жалость.

Когда погиб командир и застава пала,
Когда устали считать, сколько там зарыто,
Ты учишь меня летать – ни много ни мало,
Как будто бы в небе можно найти укрытье.

Раскрыты земля и небо до ада и рая,
Стоящим в степи до них одинаково близко,
Когда под шквальным огнём города сторают
И падают навзничь разбитыеobeliski.

Ты учишь меня летать – не учи терпению,
Всегда побеждает тот, кто нетерпеливей,
Когда идёшь долиною смертной тени,
Как будто идёт над землёю весенний ливень...

Ты учишь меня летать – я учусь влюбляться,
Я так не умел, пока всё внутри не выжгло...
Вот делаешь шаг, и можно взлететь над плацем,
Войной и бедой, полем боя – всё выше, выше.

Говорить языками

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий.

1 Кор. (13:1) апостола Павла

Мы с тобой виноваты уже только в том, что живы
В этом времени лживом войн заказных и смут.
Если я говорю языками чужими,
Как ты думаешь, может, меня поймут?

Больше ангельских нет языков, человеческих тоже,
Всё смешалось, и слышится только язык врага.
Что ещё мы с тобой в этом мире можем,
Если млечная речь нам по-прежнему дорога?

Да, я знаю, в войне не бывает, чтоб все невинны,
Только кто-то напал, а другой защищал свой дом.
Но дойдём до какой-нибудь середины,
Если говор чужой через площадь переведём?

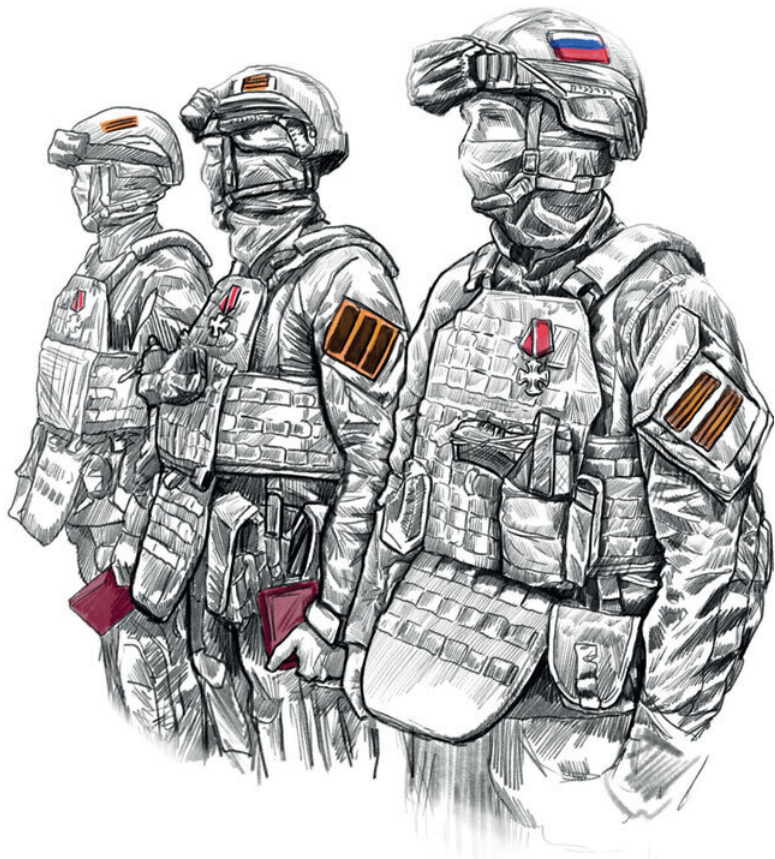
Знаешь, я говорил, что когда-то услышу песню
На таком языке, что снаряд направлял в мой дом,
И заплачу от этой тоски неместной,
Только вот не сейчас, а (быть может) потом.

Если нет здесь любви, бесполезно кимвал бряцает,
Так бряцают кинжалы, оружие, зброя, беда,
Сыновья расточают, что собрано было отцами,
Не имеет синонимов горькое слово «предать».

И звенящая медь тщетно сердце стремится измерить,
И пусты все пророчества – будет, что быть суждено,
Остаётся лишь та, что больше надежды и веры,
И на всех языках говорит об одном.

Я хочу говорить о любви языками всеми —
Ковылём шелестящим, тёплым грибным дождём.
Если станут землёй все, кто ляжет однажды в землю,
Может быть, мы друг друга сейчас поймём?

2021

Мария Ватутина

«На костылях. В бинтах ступня...»

На костылях. В бинтах ступня.
Прошил осколок у Каховки.
Глядит смешливо на меня,
Стишки читавшую в столовке.
Загар, похожий на броню.
Досадует на попаданье.
«А хочешь, маме позвоню,
Когда вернусь в Москву с задания?»

У вас тут есть с роднёю связь?
Скажу, жива её пропажа».
А он отвечивал, смеясь:
«Не-не, она не знает даже.
Мы бережём. —

Он бросил взгляд
На раскуроченную ногу. —
Про это знает только брат».
И мы отправились в дорогу.

Я думала за часом час
Про дагестанского героя,

Который жизнь свою отдаст
Для материнского покоя.
Прощаясь, я ему: «Родной,
Н у, ты орёл!» А он с подскока:
«Ведь это же мой позывной...»
Так он признал во мне пророка.

Агитбригада

И я внести хотела лепточку
Живым курком, взведённым в слово.
Летели бортом мы за ленточку.
Но кто-то выходил в Ростове.

Гуляли, спешившись, по лётному.
И шли кормою к фюзеляжу
КамАЗы с ящиками плотными
И прочей фронтальной поклажей.

Майор, с которым там мытарились,
Кивнул на ящик: – Дальше вместе.
А ты-то знаешь, чем затарились?
Ответила ему: груз двести.

Стрельнул сигарку несерьёзную.
Кивнул, мол, знаешь, уважаю.
И полетели мы по воздуху,
До неба мёртвых провожая.

Из-за обстрелов нас за ленточку
Не повезли, в Крыму сгрузили.
Но наши дали им ответочку
И дальше – жили, жили, жили!

Лётный полк. Зарисовка

Мы выступали в лётной части
На фоне подуставших “сушек”.
Собрали техников ворчащих
И двух старушек.

Все слушались команды зама
По политической работе.
А остальные были, знамо,
Уже в полёте.

Но не успели депутата
Дослушать мужики, как строго,
Назойливо, продолговато
Взвилась тревога.

Должна покаяться – струхнула.
Не то чтоб кинулась метаться,
Но смертью, в общем-то, пахнуло.
Не отмахаться.

От нашего репертуара
Остался пшик. Неважно это,
Когда, по сведениям радара,
Летит ракета.

Стоишь и ждёшь, когда пустое
То небо, что надеждой правит,
Своей мозолистой пятою
Тебя раздавит.

Потом тревогу отменили
Тремя сигналами в прокрутке.
Точней, двумя. И все шутили,
Что обсчитался тот, кто в рубке.

Смеялась замполитша Вера,
Хорошенькая, как с картинки,
И Золушкиного размера
На ней военные ботинки.

«Худая, дряхлая на вид...»

Худая, дряхлая на вид,
Совсем иссохшая зимою,
Чужая мать в саду стоит
Над раскуроченной землёю.

Дай обниму тебя, прижму,
Поглажу кукольные плечи.
Засею землю по уму,
Затеплю в доме печь и свечи.

Не ты ли вышла на задки
С отцовским знаменем советским,
Когда здоровые сынки
Пришли к своим задворкам детским?

Не твой ли флаг топтали тут,
Смеясь, подмётки вытирали?
И «куры, млеко и капут»
Тебе, затравленной, орали.

Чужая матушка моя,
Не пяться от сыновней злобы.
Твои дурные сыновья
Забыли свет твоей утробы.

Терпи и боль свою таи,
Считай, что это просто глупость.
Но тихо: «Это не мои», —
Она ответила, потупясь.

Я горе видела в упор,
Но равных нет минутам этим,
Как выносила приговор
Чужая мать родимым детям.

«Они стреляли по донецким...»

Они стреляли по донецким.
Они стреляли по луганским.
По сношенным пинеткам детским.
По каблукам и сумкам дамским.

По одеялам и подушкам,
Ночнушкам, шортикам, пижаме.
И в класс, где запрещённый Пушкин
По-русски говорил стихами.

По толстым словарям толковым,
По тощим козам, по колодцам,
Они стреляли по торговым
Палаткам и по огородам.

Они не подходили близко,
Стреляя в школьницу у дома,
Она была сепаратистка,
Она абстрактна, незнакома.

Невидимы в прицеле пушки
Её косички и ладошки,
Её забавные веснушки,
Припухлые её губёшки.

Но в том абстрактном артобстреле,
Закрыв глаза на все детали,
Они – её убить хотели,
Они – по ней в упор стреляли.

С остервенением немецким,
С особой слабостью к гражданским,
Они стреляли – по донецким,
Они стреляли – по луганским.

«Шёл солдат мимо шахт и пожарища...»

Шёл солдат мимо шахт и пожарища,
На броне по лесочкам катил,
Восемь лет хоронил он товарищей,
Восемь лет у родни не гостил.

Его землю дырявили бедами,
Выжимали в чужой окоём.
«Только мы, – говорил он, – отседова
Никуда никогда не уйдём».

Старики на груди его хлюпали,
И светлели посёлки вдоль трасс.
Вот сажают цветы в Мариуполе
И завозят учебники в класс.

И чужая худющая матушка
Припадает на бронежилет:
«Вы теперь не уйдёте, ребяташки?
Не уйдёте? Не бросите, нет?»

Отвечал, наклонившись, как к маленькой,
Обещая откинуть врага.
Восемь лет он не виделся с маменькой,

До которой уже два шага.

Две положенных в степь батареечки,
Чтоб светилась священная степь.
И товарищ с осколочным в темечке,
И встречающих пёстрая цепь.

Это родина. Вот его родина —
До колонки всего дохромать.
Дом разрушен, и мать похоронена.
Надо новую жизнь поднимать.

«Если мы освобождаем Донбасс...»

Если мы освобождаем Донбасс,
То и Донбасс освобождает нас.
Протирает оконце пыльное – вот, гляди:
Лупят по крышам грибные дожди,
Светятся кромки заборов, кочки дворов,
Светятся даже рога у коров,
Отливают белым светом бока
Утренней Зорьки, светятся облака,
И в ведре молоко, блики бегут по стенам.
Пахнет кошеным лугом, постельным сеном,
Слышится песня сторожа, пастуха ли,
Светится музыка искренними стихами,
Ты к любви возвращаешься, оживаешь,
Из пепла встаёшь, к небесам взываешь:
Нам прибавилось силы, приросло, открылось,
Русское вона где сохранилось!
Вона где уберегли, что всего дороже!
Какие они тут красивые люди, боже!

«Бабушка, вставай. Бабушка, одевайся...»

Бабушка, вставай. Бабушка, одевайся.
Настя – уже. И Аня внутри моего девайса
Едет в пыли дорожной от дома к дому,
На груди котят.
Мы победим по-любому.

Бабушка, поднимайся. Страна огромна
Поднялась уже, когда вероломно,
По восходящей звери Донбасс крушили.
Бабушка, мы ошибку не совершили.

Дашь им июнь, они откусят четыре года.
Там такие мальчики, хоть в огонь, хоть в воду!
Мы не наступаем больше на грабли.
Но что нам делать с валом всемирной травли?

С внутренней сволотою? С ханжеской немотою?
Бабушка, справься с мраморною плитою
И вырастай над миром с марлею и жгутами.
Помнишь, ты повторяла: «Победа будет за нами».

С февраля сошла грязноватая наледь, с марта
Почернели наши дома и моя сим-карта,

А в апреле пошла зелёнка, земля разверзлась.
Бабушка, воскресай давай на поверхность.

Мы, как стебли, выстреливающие за почкой почку,
Прорастаем, мёртвые, через тугую почву,
Мы поднимаем голову, нас начинают слышать.
Скоро мы будем княжить – скоро мы будем книжить.

Память вернётся, правда взойдёт над пашней
О Второй Великой Отечественной, воссоздавшей
Нашу родину, чтобы писалась слитно.
Просыпайся, бабушка, мне уже не стыдно.

Саша

После стихов и музыки он дрожит.
Видимо, разбудили, разбередили.
А в амбразуре рта у него лежит
Пена и ненависть.

– Видел я вас в могиле!
Он негодует, сильно его трясёт.
– Всё, – говорит, – неправда и подтасовка.
И отбегает.
– Да погоди ты, чёрт.
Что там с тобой такое? Беда? Рисовка?

Двор госпитальный бродит как чайный гриб.
В нём пузырится солнце, мутнеют тени.
Он возвращается, чёрным углём горит.
Плачет почти, но не говорит по теме.

Этот донецкий снайпер кровоточит.
Точит его обида с блажным упорством.
Разве ленивый только не уличит,
Не попрекнёт судимостью и притворством.

Дело состряпав, в гору пошёл следак,
Где-то в Воронеже суд тасовал колоду.
Вышел – и в добровольцы. И он вот так

Дальше пошёл трубить за свою свободу.

В смысле уже глобальном – за ДНР.
Он и хотел свободы вот этой справной.
Только обида резью взвивает нерв.
Он и теперь гуляет ещё со справкой.

– Нету на свете правды, – почти кричит,
Загнанным зверем смотрит на старый яшень.
Эта недосвобода ему горчит.
Что я им тут читала? Что мир прекрасен?

Тб-то его накрыло взрывной волной.
Даже главврач обходит его задами.
Сколько же нужно терпкой любви земной,
Чтобы вкопаться с оптикой за садами

И защищать полгода клочок земли,
И ни гу-гу... ну, разве сегодня только.
Видимо, вирши чёртовы подмогли,
В смысле спустить пары, а не в смысле торго.

– Саша, ну жить-то надо, ну как-то, Саш.
Вдруг улыбается пенной улыбкой глыбы.
– В целом-то мир прекрасен.
И он дренаж
Трогает сбоку.
– А за стихи спасибо.

«А у нас в России газ...»

А у нас в России газ.

А у вас?

А у вас в Европе сглаз.

Да-с.

Говорит немецкий канцлер,

Что кончается запас.

Ветер кончился в полях.

Ах!

С удобрениями швах!

Ах!

Зона личного комфорта

Обнулилась в головах.

Эту зону мы займём.

Омम्म!

И с Кантарией вдвоём

Флаг Победы вознесём

Над условным над Рейхстагом.

Жми, история, зигзагом,

На броне рисуя знак.

Боже, дай ума салагам,

Если с газом порожняк.

А у нас в России нефть —

Хоть залейсь.

Нам конца и края нет.
К нам не лезь.
В нашем гербе вот ё филингс?
Птица Феникс, птица Финист
Не сдадут гнезда.
Занято, балда.

До свиданья, мистер Бóрис,
Закругляйтесь, мистер Сорос,
Джо, не лезь на трап:
Там танцует Трамп.
А из нашего окна
Плешь Зеленского видна.
Ну, а вашим байрактарам
Безусловная хана.

Нам в России, всем европам
Назло,
Наконец-то и с вождём
повезло.
Бог ни разу не Тимошка —
Разбирается немножко
В правилах войны.
Это чья в евроокошко
Лезет к нам большая ложка?
Целься, пацаны.

«Ну, подсаживайтесь, что ли, ко мне...»

«Ну, подсаживайтесь, что ли, ко мне:
Каин слева, Авель справа – под бок, —
Говорил на небе Бог,
Говорил усталый Бог, —
Перетрём о восьмилетней войне».

И садились через стол сизари,
Две обоймы про запас папирос.
Каин финку на поднос,
Авель хлебушка принёс.
Третий спирта наплескал в стопари.

Затянуло гарью весь небосвод.
– Вам же сказано на вечность вперёд:
Ты возделываешь рожь,
Ты овец своих пасёшь,
На досуге продлеваете род.

Помнишь, Каин, я спросил, где твой брат?
Ты расстреливал как раз тот парад,
Где фильтрованный «Азов»¹

¹ «Азов» – организация признана террористической по решению Верховного суда РФ от 02.08.2022.

После каялся с азов,
Только не было дороги назад.

И не в том беда, что ты сгорячил.
В том беда, что ты ведь шанс получил,
Распластавшись по земле,
О грехе взрыдати мне,
Может, я бы убивать отучил.

И ходить тебе теперь в сторожах,
И не быть тебе ни с кем на ножах, —
Говорил горячий дед,
Говорил суровый дед,
В гимнастёрке полевой с буквой Зет.

Взял клинок убитый Авель в скорбех:
— Как же мне тебя теперь возлюбить?
Как о мире вострубить?
Разве хлеба нарубить,
Чтобы досыта хватало на всех.
Чтобы Господа хватало на всех.

«В человечесьи норы горы Печоры...»

В человечесьи норы горы Печоры
Заплывает рыжий огонь свечи.
Запирайся, братия, на затворы,
Ух од и под землю. Сиди молчи.

Запрещают, хватит, откуковали,
Тыщу лет за грешных мозолив лбы.
Заходи в пещеры, сиди в подвале,
Не сдавай хотя бы свои гробы.

Там, где мощи Нестора Летописца,
Проводи молебны, пока злоба
Легионы гонит в ворота биться,
Да спасут вас древние погреба.

Китеж-град ли, Киев ли град, под дёрном
Литургическим забываясь сном,
Разольёт над Лаврой щитом соборным
Свой басовый хор о конце земном.

Под горой река, из реки на склоны
Выползают брёвнами Перуны.
А для капищ надобны полигоны
И кострища выжженных вёрст войны.

Ну, кого ещё на закланье, Рада,
Паханам-язычникам ты несёшь?
Помолитесь, братья. Молиться надо.
Потому что душу-то не убьёшь.

Потому что образа и подобья
Не лишит нас даже пещерный спуд,
Где по стенам русских святых надгробья,
А точней, ковчеги. Они спасут.

*Р. С. В конце марта 2022 года в Верховную раду Украины
внесён на рассмотрение законопроект, предлагающий запре-
тить в стране «деятельность Московского патриархата
– Русской Православной Церкви и религиозных организаций,
которые являются частью Русской Православной Церкви, в
том числе Украинской Православной Церкви».*

Егор Воронов

De la paix

На паперти неба безрукие с хлебом,
ругаясь молитвой
почти позабытой,
хоронят голубку в ковчеге-скорлупке.

А та, вырываясь
сквозь ярость и жалость,
сияет,
мерцает
и ярко пылает
огнями проспекта
и боекомплекта,
раздевшего город
в период разборок.
С осколками лета, наколками века,
уехав из дома
на грани излома
без цвета,
без вкуса
в пространство искусства,
мы просим от неба ещё корку хлеба.

Но солнце, нас зная, скупых попрошайек,
кивает
за чаем
и вновь угощает
объятьем прощенья, суля возвращенье
в пустые пироги, плывущие к Богу.

Вот только голубку, убитую в шутку,
мне жалко до страха,
она под рубахой
жила у меня...

Чернословие

Край у ночи отколот,
жмётся к рёбрам печаль,
словно горячий осколок,
поцеловавший февраль.

Сердце косноязычно,
бьётся без падежа.
Между и после кавычек
тлеет в пробелах душа.

Шаг размолот углами
от окна до земли.
Нужно держаться у края,
режущего изнутри.

Нужно в себя вчитаться
до переплёта тоски.
Выдохнуть болью абзаца
и заново...
с красной строки.

«Para bellum...»

Para bellum,
мой город,
всегда para bellum,
и отныне, и присно,
и во веки
торгов.

Нет, не быть
ни живущим с тобой,
ни тебе
полноценным
в это время
бессрочно
немых жерновов.

Вот он —
мир в тишине,
прохудившийся смертью,
разграниченный ночью
сквозь входящий пунктир.

Вот он —
мир без огня,
в безответном корсете,
сжавший крылья,

чтобы лучше смотрелся мундир.

Хочешь мира,
мой город?
Тогда – *para bellum*.
Этот мир
от тебя
не оставит
костей.

А пока что ты спи,
безнадёжно блаженный
город, ждущий спасенья
среди ртутных камней.

Я верю!

Я верю в сталь,
текущую по венам,
в протяжный стон
уставшего гудка,
живой,
мужской,
рабочий,
невоенный,
как гимн
от проходной
и до ларька.

Я верю в уголь,
чёрное надгробье,
проклятье,
дар,
подземный храм,
где тёмный бог
косится исподлобья,
хрипит
и давит по щитам.

Я верю в ртуть,
смотрящую из бездны
голодным взглядом алых руд,

с надеждой
алхимической невесты,
с тревогой ждущей,
ждущей
верных рук.

Я верю в соль,
рождённую из газа,
кормящую людей
из века в век,
и в то, что снова
дрогнет
хриплым басом
машзаводской
степной
пустой ковчег.

Я верю: снова
возродится,
встанет
мой друг,
мой окровавленный Донбасс.
И после всех
военных
испытаний
он скажет:
«Жив,
живу
и не угас».

Благослови!

Росписью копоты,
рваными ранами,
рамами,
скрежетом,
ржавчиной,
вброд
мы переходим
подземное небо
ощупью мёртвое,
недоистлевшее,
полусвободное...

Ну же, теснее!
Тесней хоровод!

Переживания
перепечатаем,
в выписки рифмами
перенесём,
под трафарет
своего голодания
в жертву кого-то
ещё принесём.

Больше сожжённых

во имя утраты,
больше несчастных
во имя любви —
выжатых
жатвой
иконных солдат,
талых,
осенних,
скрипяще-зубчатых...

Каждого мёртвого,
недоистлевшего,
полусвободного,
небо подземное,
благослови!

Mio, min mio

Кому ты здесь нужен,
солдат по вердикту
в пастушьей короне
без права на сердце.

Кому ты здесь нужен,
державший гвоздику
на сажном амвоне
внутри иноверца.

Сведённым ладоням?
Ночным посторонним?
Играющим детям
здесь
в тридцатилетних?

Таким же сожжённым
для общего дела
в своих интересах
линованной прессой?

Ты больше не нужен
в пустой стеклотаре
в окладе из цинка,
мой доблестный Mio.

Ты больше не нужен
в пастушьей тиаре
под куполом цирка
по всем нормативам.

Так спи же
пока
до весны
терпеливо.

Валентин Горшенин

Воинам-дончанам

Неоновые лампы. Полуголый. Три пары глаз склонились над столом.

Под стук колёс – разряд. Поплыли образы – вот улица Артёма. Мой выпускной.

Вот мы стоим всем классом над погибшим стариком...

Я много раз просил себя не трусить. Да и сейчас, наверно, я бы так сказал,

что лучше в бой с утра, чем малодушно сдохнуть в восемь, забрызгав безысходностью вагон.

Я здесь не первый год. Я обещал вернуться. Я для кого-то, может, глупость говорю.

За опустевший лик Петровского района я посажу аллею роз в Попасной, под Мариуполем на стеле имя деда напишу.

Мне не всегда везло, сейчас всегда. А если честно, вчера во сне я видел грохот над Москвой.

То был салют в честь нас.

Ну хватит. Залежался. Слишком пресно.

Разряд.

Мои хорошие, три пары глаз! Спасибо, что живой.

Севастополь

Скалистый берег Фиолента, разрывы, по воронкам гарь.
Я не был здесь тогда, но каждый метр знаю: здесь легенда.
Здесь каждый голос – золото, а каждый вдох – янтарь.
Там, где стояли тысячами верных под вражеским огнём
недели напролёт,
У монастырского забора тысячи нетленных
Стоят в строю небесных сил, закончив свой земной
полёт.
Они не мы, и было б слишком смело
Нам говорить, что мы такие же, отнюдь.
Мы в 90-х спали, позже – воровали оголтело,
Не видя бродя, прыгали, но так и не посмели потонуть.
Ну что ж, и если нам одна награда скалистым берегом,
где юные лежат, – иди.
Значит, пойдём по следу их, значит, опять баллада.
Баллада о войне и о любви!

«Пусть будет тишина. Пусть до конца времён...»

Пусть будет тишина. Пусть до конца времён.
Пусть слышат. Пусть наслаждаются. В неё пускай поверят
наконец.

Макеевка, Луганск, Харцызск и Горловка,
Донецк и Марьинка, Шахтёрск и Алчевск.

Пусть никогда на улицах ни звука,
пусть ни одной слезинки этих городов.
Пусть будет так, чтобы ни одна на свете сука
не подняла стволы на наших стариков.

Пусть лучше мы потерпим, не с руки, не страшно.
Пусть лучше детский крик останется в стенах,
где сутками встречают жизнь, где жёны наши
с цветами. Чтоб праздник, чтоб из загса на руках.

Цветы здесь пусть останутся для грома и оваций,
для поздравлений, для любви.
А позже пусть немного дождь отмоет улицы
от навсегда ушедшей из здешних мест войны.

Анна Долгарева

«За холмом и рекой бахает, бацает...»

За холмом и рекой бахает, бацает.
И полно тут этих холмов и рек.
А в Луганске цветёт акация,
И у Ксю в коляске маленький человек.

И везёт она его, совсем новенького,
Меньше месяца как рождённого на свет,
А рядом идёт солдатик, и голова вровень его
С цветами – седыми, и он – сед.

Как брызги шампанские,
Акации соцветия.
Пацаны луганские
Двадцатилетние.

На разгрузке лямки,
На портрете рамка.
Где ваши мамки?
Я ваша мамка.

Как они уходят за реку Смородину,

За реку Донец, за мёртвую воду,
За мёртвую мою советскую родину,
За нашу и вашу свободу.

По воде и облакам, как по суше,
На броне машут, несутся тряско.
«А всё же жизнь продолжается, правда, Ксюша?»
И Ксюша катит коляску.

«Первому двадцать, второму сорок, отец и сын...»

Первому двадцать, второму сорок, отец и сын,
Русые русаки среднерусской тверской полосы.
Цветное фото; «не рыдай Мене, Мати,
Зрящи во гробе»: смерть была прежде.
Оба неправильно держат свои автоматы.
Ну кто их так держит.

Аптечка говно, натирают берцы,
У старшего уже поизношено сердце,
У младшего условка за хулиганку.
Ходили в дозор спозаранку,
Сын чуть не споткнулся о мину.
«Матери только молчи, а то всыпет ремнину».

Пока ты дома ешь манго и пьёшь брют,
Они за тебя умрут.
Летняя степь цветущая, пасторальная.
Ладно, чего там я, извини, забудь.
А знаешь, в чём самая жуть?
Им это нормально.

«Здесь перемелено, здесь перемолото, «Градов» гром...»

Здесь перемелено, здесь перемолото, «Градов» гром,
вот бывший дом и бывшие люди в нём.
А по развалинам ходит бесхвостый кот
и смятенно орёт.

Крик замерзает около синих губ.
Перестань быть мёртвым, попробуй сесть.
Кот не ест человеческий труп,
не умирай, он даже не сможет тебя поесть.

Снайпер работает неподалёку,
изрешечена разграбленная аптека.
Кот бодает мёртвую щёку
бывшего человека.

Встань, поднимись до бывшей квартиры,
где на месте третьего этажа пустота,
словно вокруг – тишина бывшего мира.
Встань, покорми кота.

«Ребёнок прячется, но смотрит из-за штор...»

Ребёнок прячется, но смотрит из-за штор,
Куда летит, не прилетело чтоб,
Как будто шторы – это одеяло,
Которое спасает от ночных
Чудовищ, пробирающихся в сны,
Как будто никого тут не стояло.

Вернётся мама – непременно, ведь
Всегда-то возвращалась, ну и впредь
Так будет до скончания Вселенной.
И дворик превращается в ничто,
И этот мальчик смотрит из-за штор,
И не болит разбитое колено.

Ничто уже на свете не болит,
Ни огорчений нету, ни обид.
Ещё прилёт – и скоро будет мама.
Возьми игрушки, школьную тетрадь
И поднимись по лестнице – сказать,
Что больше нет ни ссадины, ни шрама.

«Уходят...»

И приходят они из жёлтого невыносимого света,
Открывают тушёнку, стол застилают газетой,
Пьют они под свечами каштанов, под липами молодыми,
Говорят сегодня с живыми, ходят с живыми.

И у молодого зеленоглазого капитана
Голова седая, и падают листья каштана
На его красивые новенькие погоны,
На рукав его формы, новенькой да зелёной.

И давно ему так не пилося, и давно не пелось.
А от водки тепло и расходится омертвелость,
Он сегодня на день вернулся с войны с друзьями,
Пусть сегодня будет тепло и сыто, и пьяно.

И подсаживается к ним пацан, молодой, четвёртым,
И неуставные сапоги у него, и форма потёртая,
Птицы поют на улице, ездят автомобили.
Говорит: «Возьмите к себе, меня тоже вчера убили».

«слушай, говорит, слушай...»

слушай, говорит, слушай:
обстрел начинается в полночь.
пусть твои прячутся лучше,
без пятнадцати чтоб по полной

по боевой. будем
класть по заброшенной шахте.
от людей к людям
несётся сигнал шатко.

дождик по ним крапает,
сумерки лежат синие.
сын отвечает: папа,
спасибо, за всё спасибо.

2017

Памяти Кости Кота

И больше никого не хоронить,
А только вишни собирать в ведёрко,
Пластмассовое, детское – они
Лежат там с горкой.

И строить новый город на песке,
И будут понарошечные люди
Ложиться спать на белом лепестке —
Давай так будет.

Вон жук ползёт, глаза его черны,
Жук красно-чёрный, именем солдатик,
Не мучь его, пусти его с войны,
Ей-богу, хватит.

И ямка для секретика в земле —
Туда ложатся город, мама, кошка.
Не плачь, не плачь, тебе под сорок лет.
Мы все тут – понарошку...

«Обком звонит в колокол, предали нас анафеме...»

Обком звонит в колокол, предали нас анафеме.
Нет хорошего русского, но мы в натуре ужасные русские.
Типа как римляне, ущемляющие этрусков.
Сорян, не потрафили.

Да, мы русские, римляне мы, наши шлемы блестят,
Да, спускались мы в ад, и с потерями – через ад
Мы прошли.
Ну давай, не чокаясь, за Дебаль.

Мы железо и боль, и мы тело мясное, и сталь.
Да, мы знаем, как артиллерия бьёт по своим.
(После этого один офицер застрелился, к слову.)
Да, мы видели, как над домами нашими чёрный дым
Поднимался – а мы шли вперёд, и чего такого.

Вега – самая яркая звезда в созвездии Лиры.
И ещё так звали одного командира,
Характер был скверный, прострелил однажды розетку.
Ну а чё, нервы сдают капитально и метко.

Его не любили. Он потерял пятерых
Из стрелковой роты. На ночь пошёл домой,

Вернулся – обнаружил всех мёртвых их.
После этого, говорят, крыша поехала так, что ой.

Первого марта штурмовали двадцать девятый блокпост.
«Идите, – сказал генерал. – Там никого нет».
Вега шёл первым и дошёл до самых до звёзд.
Отработали «Грады». Привет.

И вот эта земля пропитана нами.
В длину на два метра и на два метра внутрь.
И чего вы скажете нам такого, что мы не знали?
Мы идём вперёд. Не пробуйте развернуть.

«Сказали: не говори – баба...»

Сказали: не говори – баба.
Плохое, некрасивое слово.
Но любим другим меня обозначить – сла́бо.
Я же не девка, замужем была, чего тут такого.

Я же рыдала, когда муж уходил на войну.
Я же его ждала, готовила щи-борщи,
Какая из меня леди или там фрау, ну.
Плачь. Снаряжай. Корми. И молчи.

Я русская баба, плачущая о каждом,
Кто не вернулся. Воющая в подушку.
Бесплодная баба, что навеки однажды
Кончится – и кто помолится за мою душу.

Нет, я была поэтессой из Ленинграда.
Шляпка, мундштук, открытые платья.
Я до сих пор сыграю так, если надо.
Но я – русская баба, всехняя мать я.

Коли не подвезли другого мужа и сына,
То вы, двадцатилетние, мои дети.
Слёзы капаят на копье, такая судьбина.
Не худшая, в общем, на свете.

«Серёга из Москвы вообще приехал...»

Серёга из Москвы вообще приехал.
Всё время ржёт, да так, что будит эхо,
На стареньком раздолбанном УАЗе.
Нам нужно всем – полёт и чуть тепла.
Серёга возится с БПЛА.
Считай, мечта сбылась, хотя не сразу.

Хотел летать – и вот почти летит.
Мы память здесь. Мы камень. Мы гранит.
Пока их помнят – не случится смерти.

А впрочем, всё я вру, и вы не верьте,
Она случится с каждым. Это быт.

Серёга ржёт, Утёсова врубая,
И он любой, и я почти любая,
Мы кровь земли, и мы её же твердь.
Иди ты на х**, грёбаная смерть.

«Не смейся, тётя, сделай фотоснимок...»

Не смейся, тётя, сделай фотоснимок,
как мальчик во дворе играет в мяч,
и августовский воздух так горяч,
прозрачен так невыносимо.

И целый дом, не раненный ещё,
трепещет занавесками на окнах.
Снимай: оно так скоро всё поблекнет,
и время начало уже отсчёт.

И через восемь лет его я встречу —
подросшего мальчишку без мяча,
но с автоматом — там, где, рокоча,
подходит артиллерии предтеча.

Он будет там, с котёнком на руках,
с улыбочивыми полными губами,
уже не мальчик, но ещё не камень,
уже бесстрашный — но познавший страх.

Снимай же, тётя, — а теперь и я
затвором щёлкну фотоаппарата,
поскольку смерть из мира не изъята,

НО В ВЕЧНОСТИ ОСТАНУТСЯ ДРУЗЬЯ.

«Я умереть боюсь...»

Я умереть боюсь,
Как тоненькая вишня во дворе,
Как списанный на землю аппарат «Союз»,
Как травы в ноябре.

И говорю: запомни, затаи,
Люби меня в моём убогом быте.
И мёртвые солдатики мои —
И вы живите.

Я режу хлеб – и смерти не хочу,
Салат крошу – и смерти не хочу.
Черешню ем – и смерти не хочу,
Несу цветы – и смерти не хочу.

А смерть настанет, на меня наступит,
Ногой огромной на меня наступит,
На маму, на кота, на чёрта в ступе.

Но нынче яблони цветут,
Как небо на закате, бледно-розовым.
И скоро лето будет тут
С вареньем абрикосовым.

«Из меня не получится хорошего русского...»

Из меня не получится хорошего русского.
Вообще ничего хорошего.
Мчит машина, бьётся из окон музыка,
По луганским дорогам изношенным.

Едем с пацанами в форме, совсем молодыми,
Между боевыми и боевыми,
И вроде как смерти нет, и июнем веет.
Никогда не любила лицо своё, не любила имя,
Но, пожалуй, нашла что-то важнее.

Двадцать седьмое мая, холмы, отроги,
Отзвук ястребиного крика.
Бьёт на выход гаубица «Гвоздика».
Это я, это Аничка, следы на луганской дороге,
Цветущая у неё земляника.

«В город пришла война...»

В город пришла война.

В город ложатся мины.

В городе разорвало водопровод,

и течёт вода мутным потоком длинным,

и людская кровь, с ней смешиваясь, течёт.

А Серёга – не воин и не герой.

Серёга – обычный парень.

Просто делает свою работу, чинит водопровод.

Под обстрелом, под жарким и душным паром.

И вода, смешавшись с кровью, фонтаном бьёт.

И конечно, одна из мин

становится для него последней.

И Серёга встаёт, отряхиваясь от крови,

и идёт, и сияние у него по следу,

и от осколка дырочка у брови.

И Серёга приходит в рай – а куда ещё?

Тень с земли силуэт у него чернит.

И говорит он: «Господи, у тебя тут течёт,

кровавый дождь отсюда течёт,

давай попробую починить».

«Ты десять тысяч убила и десять спасла...»

Ты десять тысяч убила и десять спасла,
Так мне сказал человек, которого я люблю.
Вот такая хреновая арифметика, такой блюз.
Такие дела.

Это, собственно, почему?
Потому что я решила: я спускаюсь во тьму,
Как Персефона в Аид.
Болит.
Потому что я сказала: я на войне.
Не где-нибудь рядом.
И я бежала в подвал под «Градом»,
И комроты вёз меня, пистолет направив
Туда, откуда смерть приходит без правил.

Да, на войне.
Я на войне.
Ни к чему отпираться мне.
Это я пускала ракеты по Харькову.
Это я лежала под бэхой, пыль отхаркивая.
Я, нежная, любовная, рыжая.
Это я почему-то совсем неуместно выжила.

Где я соврала?
Считай, что нигде.
Красное солнце лежит на чёрной воде.

Это я не вернулась
В беспорядок московских улиц,
Это я застрелена под Донецком,
Это я лежу под Камышевахой,
Это я хочу говорить, но не с кем,
Это я узнала пределы страха.

Это я засыпана в землю, и никто меня не назвал.
«Грады» бьют на выход, пора в подвал.

Подарил апельсин мне Сашка Урал.

Я не знаю, откуда он взял его на войне,
Я не знаю, почему – мне,
Но вот он лежит, оранжевый —

Завораживает.

«А всё-таки начнётся посевная...»

А всё-таки начнётся посевная,
За танками поедут трактора,
И мы, возможно, доживём до мая
И выйдем со двора.

Фуфайку зимнюю повесивши на гвоздик,
Пойдём в чём были в мае под дождём.
И может быть, зайдём к соседям в гости
И беленькой нальём.

Они лежат – хохол, москаль, еврей
В одной воронке, с подписью «Здесь люди».
И залпы постсоветских батарей —
Последние салюты.

И Боже мой, никто не виноват,
И завтра принесут гуманитарку.
И старый друг отложит автомат
И на письмо приклеит марку.

«Схерали, говорит, они герои...»

Схерали, говорит, они герои,
Они ж там – из окопа не успели.
А это я захлёбываюсь кровью,
Чужой, чужой захлёбываюсь кровью,
И бьёт арта по дышащей по цели.

Холодный март, бессмысленная высь.
Вот имена, пожалуйста, молись.

Я здесь не женщина, я фотоаппарат,
Я диктофон, я камера, я память,
Я не умею ничего исправить,
Но я фиксирую: вот так они стоят

Ещё живые, а потом не очень.
Я не рожу зеленоглазых дочек.
Когда пожар – звоните ноль один.
Поднимет трубку нерождённый сын.

Вы там держитесь, но спасенья нету.
Летят, летят крылатые ракеты.

Мы смерть, мы град, мы рождены для боя,
Мы станем чернозёмом, перегноем
И птицами в весенней тишине.

Схерали, говорит, они герои.

Чего ревёшь, не плачь, ты на войне.

«И пока небосвод от снарядов стонет...»

И пока небосвод от снарядов стонет,
Некому поплакаться, помолчать не с кем,
И приходит дед, заваленный в доме
О году пятнадцатом, под Донецком.

На рассвете этом, медвяном, дынном,
Он пришёл, лишённый тоски и страха,
И стоит у околицы белым дымом.
Прозревая Харьков и Волноваху.

А чего, говорит, что ли, снова бомбы,
Не пойму, кому от этого легче.
Навели бы мир, отстроили дом бы,
За меня бы в церкви поставили свечи,

Потому как умер я неотпетый,
Хоронили в спешке под минным роем.
Это век становится волком, это
Сами мы становимся сталью с кровью.

Это русский хтонос, его железо,
И земля перекопана на два метра,
Потому что мы, не бояся смерти,

Щедро делимся ей, и она навесом

Прилетает прицельно, бесслёзно, метко,
Сталь и кровь, и нет никакого страха,
Только мёртвый дед, куря сигаретку,
С грустью смотрит на Харьков и Волноваху.

«Через реку Смородину нет моста...»

Через реку Смородину нет моста.
Это детские сказки: там темнота
Да густая трава, да дуб опалённый,
Пацаны из двенадцатого батальона,
Павшие под городом с названием Счастье —
Некуда им возвращаться.

Так и ходят они по этой траве,
И две училки из Горловки ходят по ней,
Завуч и географичка.
Говорят: мы сегодня проходим свет,
Он всего надёжнее и сильней,
Подставляйте ему личики.

И у мёртвых училок их мёртвый класс,
Так задолбан войной, так небрит и чумаз,
Подставляет лица под ветер.
И расходится чёрный мазут темноты,
И они улыбают щербатые рты
И становятся словно дети.

«Расскажи мне, расскажи...»

Расскажи мне, расскажи
сказку, больше не могу.
Это человек лежит,
расцветая на снегу.

Это красным он зацвёл,
как цветок, на остановке.
Расскажи мне про котёл
(впрочем, лучше про котов)
и про новые винтовки.

По реке плывёт топор, прямо до Чугуева.
Ну и пусть себе плывёт, он в эвакуацию.

Абрикосы зацвели
рано, не дождавшись марта,
и огонь горит на картах
и на коже земли.

О земля, сыра постель,
вот мужик; орёт сирена,
но стоит он на коленях
посреди трамвайных линий,
и пытается он сына
собирать из запчастей.

Эх, на небе порадей!

По реке плывёт топор, прямо до Чугуева.
Ну и пусть себе плывёт, может, он за мир вообще.

Города падут во тьму,
на ветру дрожит осина.
Собирай же, дядя, сына
по Донецку по всему.

Он восстанет и пойдёт,
он за нас на небе спросит.
Будет лето, будет осень,
как-то выживет народ.

Собери его, родной,
пусть за нас – за грешных, гадких
он заступится украдкой.
Мама, мама, я в порядке.
Мама, это не со мной.

«Снилось мне, что я ищу тебя в темноте...»

Снилось мне, что я ищу тебя в темноте,
Незнакомые лица ощупывая руками.
Всё пытаюсь узнать, только все не те,
Не живое тепло, а холодный камень.

И ещё, конечно, война и команчи из ЛНР,
Казачи из Монголии, чёрный барон Унгерн,
И летят через континент ракеты, и что теперь
Остаётся нам, навсегда уже юным.

И все ещё говорят, что недавно был,
Но потом перебросили на другой участок.
Как я люблю тебя, как люблю поперёк судьбы,
Перечёркивая обречённости отпечаток.

Я проснулась и вспомнить никак не могла,
Что там был за город, где среди предсмертного полумрака
Я нашла тебя, Господи, я тебя наконец нашла,
И стали мы одинаковы.

Максим Замшев

«Вьётся змейкой между стран граница...»

Вьётся змейкой между стран граница,
Маршал Жуков грозен на коне,
Ничего со мною не случится,
Если будешь помнить обо мне.
В донесеньях аббревиатура,
На земле погибший самолёт,
На коне застывшая скульптура
Никому приказов не даёт.
Телефонный обрезаю провод,
Пасмурно повсюду и мертво,
Окруженье – это просто повод,
Чтобы вырываться из него.
В небесах столкнулись две кометы,
Разбудив внизу кровавый вихрь,
Ополчение – это просто метод,
Метод выживания своих.
Если дом снарядом разворочен,
Если счастье больше не сплести,
В мире будет столько Новороссий,

Сколько надо, чтоб его спасти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.